

Рудольф Штайнер

«Монизм и теософия»

Реферат лекции, прочитанной
в Союзе Джордано Бруно
8 октября 1902 года в Берлине,
и отчёт о дискуссии 15 октября 1902,
посвящённой прошедшей лекции

Фрагмент из GA 51
«О философии, истории и литературе.
Доклады в школе для рабочих
и Свободной высшей школе в Берлине»

Перевод и примечания Алексея Жилова

Б Д Н
Библиотека
духовной
науки

2020

bdn-steiner.ru

«...Я смог прочитать в Союзе Джордано Бруно свою основополагающую антропософскую лекцию, которая стала отправной точкой моей антропософской деятельности.

Открыто сообщая то, что содержит антропософия как знание о духовном мире, необходимо принимать решения, которые не могут быть лёгкими».

*Рудольф Штайнер,
GA 28, «Мой жизненный путь»*

Монизм и теософия

*Реферат лекции Рудольфа Штайнера
в Союзе Джордано Бруно¹*

Берлин, 8 октября 1902, среда

Господин доктор Штайнер прежде всего подчёркивает, что человек, являющийся в обыденном смысле благоразумным, в условиях немецкой духовной жизни современности не станет публично говорить о подобной теме, потому что едва ли существует другая тема, столь же подходящая для того, чтобы так сильно себя скомпрометировать, и затем продолжает: «Теософия — это название, часто используемое людьми, которые в спиритических кружках хотят выведать свою судьбу. И даже несмотря на то, что вокруг этого витает дух мистификации, я с полной осознанностью говорю об этой теме в связи с немецкой духовной жизнью. Намного охотнее я пребывал в моей химической лаборатории, чем в каком-либо спиритическом кружке, и я знаю, что именно в последнем можно прямо-таки испачкать руки, но я „вымыл“ свои руки и надеюсь, что мне удастся показать вам, как связано понятие „теософия“ с серьёзным мировоззрением. Должно быть ясно выражено, что поиски серьёзного мировоззрения могут основываться лишь на современном естествознании, я никогда не отступлю от мысли, что только в этом заключается спасение. Но естествознание по-прежнему наполняет умы и сердца своим материалистическим взглядом на мир, и хотя отдельные мечтатели и утверждают, что мы давно вышли за рамки эпохи Бюхнера² и иже с ним, если мы не сможем построить идеальное мировоззрение на основе естествознания, то материализм пятидеся-

---

¹ «Союз Джордано Бруно за единое мировоззрение» был основан в 1900 году доктором Бруно Вилле (Bruno Wille, 1860–1928) и другими литераторами фридрихсхагенского круга. Вилле был также руководителем журнала «Свободомыслящий» («Der Freidenker»), в котором появился представленный здесь реферат. В книге «Мой жизненный путь» Рудольф Штайнер пишет о Союзе Джордано Бруно: «В нём должны были объединиться такие личности, которые симпатизировали духовно-монистическому мировоззрению. При этом подчёркивалось, что не существует двух мировых принципов, материи и духа, но что дух как принцип единства является творцом всего бытия». Подробнее о деятельности Рудольфа Штайнера в Союзе Джордано Бруно см. в дополнениях к полному собранию трудов Рудольфа Штайнера («Beiträge zur Rudolf Steiner-Gesamtausgabe»), тетрадь 79 (Пасха 1983 года).

² Людвиг Бюхнер (Friedrich Karl Christian Ludwig Büchner, 1824–1899) — немецкий врач, естествоиспытатель и философ, крупнейший представитель материалистического направления в европейской философии второй половины XIX века.

тых годов продолжит и дальше завоёвывать мир. Почти все естествоиспытатели современности являются материалистами, — также и там, где они отвергают это.

Естествознание показало нам, как постепенно возникали и совершенствовались различные существа, вплоть до появления человека. Но здесь, согласно Геккелю³ — в двадцать втором звене органического ряда предков, — оно делает остановку. Давид Фридрих Штраус⁴ провозгласил, что естествознание избавило нас от чуда, — от чуда в том смысле, в каком ещё Линней высказался в восемнадцатом веке: „Сколько видов животных и растений было изначально вызвано Творцом к одновременному существованию друг возле друга, столько существует и чудес“. Естествознание через волшебное слово „развитие“ упразднило эти чудеса, через это волшебное слово оно превратило пространственное „друг возле друга“ в ставшее наглядным временное „друг после друга“, но чуда, которым является сам человек, оно до сих пор не смогло упразднить. Мы должны попытаться применить метод естествознания также и к одновременному существованию, которое мы имеем перед собой в случае готтентота⁵ и гения; мы должны в некотором смысле обнаружить духовную праклетку (*geistige Urzelle*), которая связывает обоих. Но требуемый для этого естественнонаучный метод будет снова другим, так как естествознание всегда должно формировать свои методы в соответствии со стоящими перед ним целями и задачами. Геолог должен не только собирать минералы, чтобы учиться понимать историю Земли, Геккель не нашёл бы свой основной биогенетический закон, если бы в лаборатории обрабатывал тела животных химическими реагентами, и так же мало сообщит исследователю души химическое исследование мозга. Но несмотря на колоссальные успехи естествознания, оно до сих пор было не в состоянии найти этот метод, и поэтому между наукой, изучающей природу, и религиозным чувством возникла столь глубокая пропасть, — глубже, чем когда бы то ни было. Иначе обстоит дело в отношении древних культур и их теологий. Там не существует этого разрыва, теология является не чем иным, как выражением соответствующего своей эпохе научного мышления. То, что выступало как мировоззрение, было столь благородным, огромным и исполненным Божественного, что оно являлось переведённой в ощущение религией. Сегодня мы стоим, однако, перед фактом, что теология и наука являются двумя совершенно отдельными вещами, и в этом смысле Адольф Гарнак⁶ говорит, что человек чувствует себя словно искуплённым (*erlöst*) в мышлении, что наука никогда не будет в состоянии удовлетворить религиозные потребности. С другой стороны, в связи с естествознанием англичанин Ингерсолл⁷, например, говорит: „Мы дошли до того, что для нас проявления духа являются только естественнонаучным фактом, что наши мысли являются не чем иным, как превращением пищи, которую мы принимаем в наш организм, а сотворённый Шекспиром „Гамлет“ — не что иное, как преобразованные питательные вещества, которые употреблял английский драматург“.

Как же можем мы снова установить созвучие, которое существовало во времена древних религий, и даже ещё в период раннего Средневековья? Со времён святого Августина постепенно выступал этот разлад, который привёл к двум великим дуалистическим течениям, чьё противостояние выразилось в антагонизме схоластики и Галилея

---

³ Эрнст Генрих Геккель (Ernst Heinrich Philipp August Haeckel, 1834–1919) — немецкий естествоиспытатель и философ.

⁴ Давид Фридрих Штраус (David Friedrich Strauß, 1808–1874) — немецкий философ, историк, теолог и публицист.

⁵ Готтентоты — этническая общность на юге Африки.

⁶ Карл Густав Адольф фон Гарнак (Carl Gustav Adolf von Harnack, 1851–1930) — немецкий лютеранский теолог либерального направления, церковный историк, автор фундаментальных трудов по истории раннехристианской литературы и истории догматов.

⁷ Роберт Грин Ингерсолл (Robert Green Ingersoll, 1833–1899) — американский военный, юрист, публицист и оратор.

и в других подобных случаях. Наука была подобна сыну, вернувшемуся домой с чужбины и уже больше не понимаемому своим отцом, протестантизм — не что иное, как заявление отца, что он хочет лишиться сына наследства, а кантианство — завершение, последняя фаза этого процесса!

Первую серьёзную попытку преодолеть этот разрыв предприняли немецкие философы-идеалисты Фихте, Шеллинг и Гегель⁸. Через три года после смерти Гегеля появилась книга Фихте Младшего⁹ о человеческом самопознании. Речь идёт об этой деятельности как о задаче, поставленной самим естествознанием. Иммануил Герман Фихте говорит примерно следующее: если мы рассматриваем природных существ, то видим их вечные законы. Но если на самую человеческую душу мы смотрим как на природный процесс, то сталкиваемся с поворотом в познании (Erkenntnisumschwung). Законы природы лежат за пределами нашей личности в природных основах, из которых мы вышли, но в нашей душе мы видим не готовые законы природы, а мы сами являемся природным законом. Здесь природа становится нашим собственным поступком, здесь мы есть развитие. Здесь мы не просто осознаём, здесь мы живём. Мы имеем теперь задачу создавать вечные, нерушимые законы, а не просто их обнаруживать. Далее Иммануил Герман Фихте указывает: в этом пункте человек живёт не только в своём природопознании, в этом пункте он осуществляет и проживает божественное, творческое, *в этом пункте философия превращается в теософию!*

Здесь в немецкой духовной жизни нам выступает навстречу понятие „теософия“. Теперь мы, возможно, уже видим, что *теософия является не чем иным, как последним требованием истинного монизма между познанием природы и самопознанием*. Это открывает для нас перспективу уравновесить противоположность между религией и наукой. Мы знаем теперь: не существует другой божественной силы, которая возвысит червяка до человека, мы знаем, что мы сами являемся этой „божественной силой“.

Спросят: но какое вообще значение имеет подобное познание? Ну, возражаю я, а какое значение имеет то, что обычно называют познанием — простая регистрация фактов? Ею довольствуются те, кого я хотел бы назвать космическими бездельниками¹⁰.

Кто понимает идею теософии таким образом, тот поймёт и Фейербаха¹¹, сказавшего, что человек создал Бога по своему образу. Мы хотим полностью признать, что понятие Бога рождается из сердца человека, и Бог как символ внутреннего идеала может развить человека за пределы самого человека.

Так мы вновь обретём божественную мудрость, которая будет выражать божественность природы. Мы сегодня снова живём в эпоху, которая может стать важным узловым пунктом в духовном развитии Европы, как это было в период, когда жили и основывали современное естествознание Коперник, Джордано Бруно и Галилей. Но оно, это естествознание, не поняло, как отпраздновать своё примирение с религией. Мы стоим перед этой задачей и мы должны её выполнить. Пусть эти попытки ещё несовершенны, но у нас в современной духовной жизни есть течения, которые предрасположены к этому. Религии как таковые не основаны, и поэтому религиозных гениев не существует в том смысле, в каком существуют научные и художественные гении, но возможно существование таких личностей, которые содержание познания своего вре-

---

⁸ Иоганн Готлиб Фихте (Johann Gottlieb Fichte, 1762–1814), Фридрих Вильгельм Йозеф Шеллинг (Friedrich Wilhelm Joseph Schelling, 1775–1854), Георг Вильгельм Фридрих Гегель (Georg Wilhelm Friedrich Hegel, 1770–1831).

⁹ Иммануил Герман Фихте (Immanuel Hermann von Fichte, 1796–1879) — немецкий философ, сын Иоганна Готлиба Фихте.

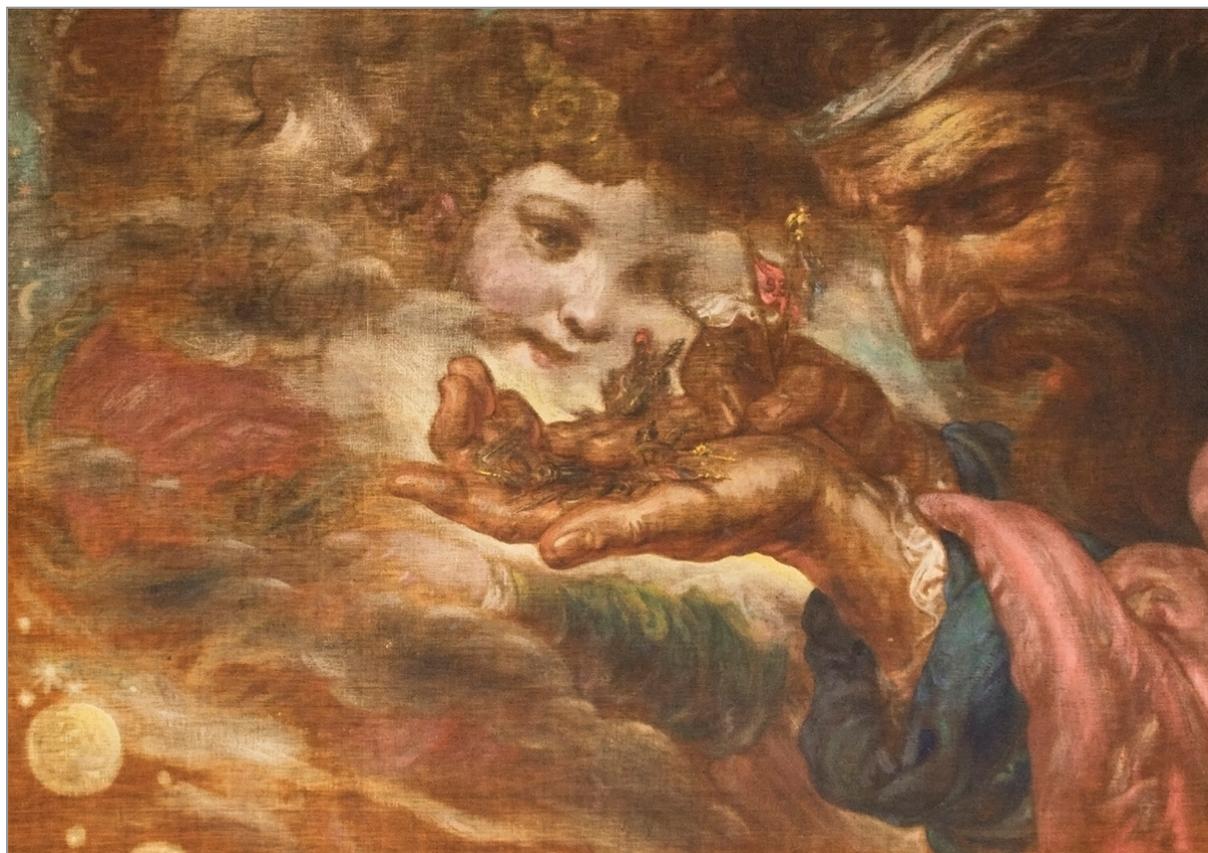
¹⁰ Нем. Eckensteher — бездельник; буквально — стоящий на углу.

¹¹ Людвиг Андреас фон Фейербах (Ludwig Andreas von Feuerbach, 1804–1872) — немецкий философ-материалист.

мени выражают как религиозное ощущение. Я прекрасно осознаю основные недостатки и ошибки теософского движения. Дубок¹² назвал теософию женской философией. Мы можем это изменить, сделав её мужской в критически мыслящей Германии.

Я знаю, что за пределами естествознания не может быть спасения, но мы должны найти новые методы исследования души, строящиеся на естественнонаучной основе, чтобы суметь сделать то, что могли все древние религиозные воззрения: установить великое единство между религиозной потребностью и наукой. Теософия в обозначенном мною смысле сама по себе не имеет ничего общего с часто связываемыми с ней сообщениями о фактах гипнотизма и сомнамбулизма; да, можно было бы отвергнуть их и всё же быть теософом, но эти явления ненормальной душевной жизни ни в коем случае нельзя отвергать, и в специально предпринятом французскими и английскими исследователями естественнонаучном объяснении этих фактов я вижу первые попытки настоящего исследования души».

Господин доктор Штайнер завершил свою программную лекцию указанием на картину бельгийца Вирца «Человек будущего»¹³. На ней изображён великан, который держит в руках пушки и другие атрибуты культуры нашего времени и, улыбаясь, показывает их своей жене и детям; всё это по-пигмейски мало по сравнению с его громадными размерами. Нашей задачей будет не предстать так по-пигмейски перед человеком будущего.

*Антуан-Жозеф Вирц
«Вещи настоящего перед людьми будущего»*

---

¹² Чарльз Эдуард Дубок (Charles Eduard Duboc, 1822–1910) — немецкий поэт и писатель.

¹³ Антуан-Жозеф Вирц (Antoine Joseph Wiertz, 1806–1865) — бельгийский живописец и скульптор романтического направления. Полное название картины — «Вещи настоящего перед людьми будущего».

Дополнение

Об этой лекции Рудольф Штайнер пишет Вильгельму Хюббе-Шлайдену¹⁴ 13 октября 1902 года (см. GA 39, «Письма, том II»): «Для меня было неожиданностью, какой большой интерес вызвала моя лекция „Монизм и теософия“ (в Союзе Джордано Бруно). Вольфганг Кирхбах¹⁵ председательствовал во время вечера, когда я читал лекцию, и также и он был в высшей степени заинтересован. Там была публика, привыкшая к тому, чтобы слушать о монизме, основанном на геккелевских воззрениях. Послезавтра состоится публичное обсуждение моей лекции. В ходе доклада я охарактеризовал также миссис Безант и весь её духовный склад. Теперь всё будет зависеть от того, способны ли мы действовать так, чтобы не оказаться скомпрометированными через наше присоединение к теософскому движению. Я знал, чем рисковал в тот вечер. Но нам нужно решительное „или-или“. Граф Генсбрех¹⁶ покинул зал после первых моих фраз. Перед оставшимися, а их было более трёхсот человек, я час и три четверти говорил под их — я, наверное, могу сказать так — пристальнейшим вниманием.

Я, конечно, не придаюсь иллюзиям, но я думаю, что присутствующие по большей части осознавали, что они поставлены перед чем-то, мимо чего нельзя пройти. И эта аудитория Союза Джордано Бруно знает меня как человека, хорошо разбирающегося в естественных науках. — Кстати, как мне сказали, в этот день [Франц] Гартман¹⁷ объединил своих берлинских сторонников у Раатца на берегу Плана. Так что тех, кто по большей части называет себя в Берлине теософами, в зале не было.

И я пришёл к людям с подлинной немецкой теософией. Средняя часть моей лекции была интерпретацией предложения, которое Иммануил Герман Фихте в 1833 году написал в своей книге о самопознании:

„Если само вечное проявилось как бесконечно раскрывающийся дух, то в этом одновременно достигнуто высшее сообщение всех ступеней познания и противоположных точек зрения сознания. *Философия стала теософией*“.

...Теперь посмотрим, что будет...»

---

¹⁴ Вильгельм Хюббе-Шлайден (Wilhelm Hübbe-Schleiden, 1846–1916) — немецкий путешественник, один из основоположников теософского движения Германии.

¹⁵ Вольфганг Кирхбах (Wolfgang Kirchbach, 1857–1906) — писатель, один из руководителей Союза Джордано Бруно.

¹⁶ Павел Генсбрех (Paul Graf von Hoensbroech, 1852–1923) — немецкий политический деятель и публицист.

¹⁷ Франц Гартман (Franz Hartmann; 1838–1912) — теософ, астролог, врач, писатель.

Дискуссия и ответы Рудольфа Штайнера

Берлин, 15 октября 1902, среда

Вначале Отто Леман-Руссбюлдт¹⁸ представил для ознакомления реферат лекции доктора Рудольфа Штайнера и добавил к этому, что его личным желанием является, чтобы на лекции присутствовали бы не просто двести пятьдесят или триста слушателей, но две-три тысячи человек, представляющих духовно-общественную жизнь в Германии. Призыв доктора Штайнера теософию — если она является, по словам Дубока, женской философией — сделать в критически мыслящей Германии мужской должен быть жирно подчёркнут, так чтобы на печати это заняло отдельную полосу, ибо в теософском движении, конечно, нет и малой опасности. Референт признал, что нашу духовную культуру несмотря на электричество и точную механику следует назвать слишком грубой по сравнению с гармонией, существовавшей в великих культурах древности между наукой и религиозным миром, но, добавил он решительно, мы не хотим отчаиваться из-за этого. Очевидное превосходство нашего интеллекта, как оно проявляется именно в эпоху машин, может быть поручительством того, что мы будем углублять и расширять то, чем культура древности обладала только в предощущении, пусть и самым грандиозным образом. В связи с этим референт процитировал фрагмент о духовной предрасположенности арийца из работы о расах, написанной графом Гобино¹⁹, и содержание этого фрагмента в полной мере может быть применено также к народам атлантического мира, то есть Западной Европы и Северной Америки:

«Итак, ариец превосходит остальных людей главным образом степенью развитости интеллекта и своей энергией, и благодаря этим двум особенностям, если ему удастся победить свои страсти и удовлетворить материальные потребности, ему также дарована возможность достичь бесконечно высокой нравственности, хотя в обычном ходе вещей у него может быть столь же много доступных порицания поступков, как у представителей низших рас». В заключение референт заметил, что по его предположению из поносимого ныне гипнотизма и сомнамбулизма разовьётся наука расширенной и утончённой психологии, которая в связи с познанием души будет значить для нас столь же много, сколь значат астрономия и химия для познания природы, несмотря на то, что эти науки развились из астрологии и алхимии.

В ходе дискуссии сначала выступил Николаи (Nicolai) с критикой, что не представлено то, что на самом деле хочет и может теософия.

Доктор Штайнер возразил, что лекция имела целью лишь указать на связь между монизмом и мировоззрением, уже во времена распространения философии веданты в Индии вставшим на современные рельсы. Дуализм, развивающийся в христианстве с четвертого века, заключается в том, что для познания мира явлений вполне признаются глаза и другие органы чувств, но для познания нашего «Откуда» и «Куда» не допускаются никакие средства, кроме веры и откровений старых книг и пророков. Но монизм несёт развитие познания, так же как он может установить развитие видов для живых существ. В писаниях веданты есть один разговор, в котором ученик спрашивает учителя: что произойдёт, когда я умру?.. Учитель отвечает: твёрдое и жидкое твоего тела снова возвратится к твёрдому и жидкому, ибо человек подобен камню и животному, и даже проявления твоего мышления и поступков растворятся в твоём окружении, но останется «развитие», причина того, что сформировало твою личность. — Так в зародыше монистически уже мыслила философия веданты. То, что в животном живёт лишь

---

¹⁸ Отто Леман-Руссбюлдт (Otto Lehmann-Rußbüldt, 1873–1964) — писатель, руководитель и периодически второй председатель Союза Джордано Бруно.

¹⁹ Жозеф Гобино (Gobineau, Jos. Arthur Graf von, 1816–1882) — французский писатель-романист, социолог, автор «арийской» расовой теории.

бессознательно, а именно стремление к раскрытию его личности, должно в человеке во всей полноте вступить в сознание и возрасти в нём как идеал.

Фриц Зенгер (Fritz Sänger) вступил в полемику с доктором Штайнером. Теософы всегда делали вид, что они уже раньше обладали и сейчас продолжают обладать результатами современного естествознания, но доказательств такого превосходства они никогда не предоставляли. Он опасается, что подобное движение слишком подходит для того, чтобы снова обесценить достижения современного естествознания; несмотря на самое неподвзятое наблюдение, он смог найти в спиритизме лишь проявления вздора и чепухи, однако факт гипнотизма он должен признать.

После того, как далее Кён (Köhn) выступил с тёплыми, проникновенными словами в адрес господина доктора Штайнера, Отто Леман-Руссбюлдт отметил, что рассуждения господина Зенгера являются типичными для представителя так называемого естествознания во все времена. Пятнадцать лет назад Зенгер ещё признавал бы бредом демонстрируемый, в частности, Крафт-Эбингом (Krafft-Ebing) факт, что приложенный к гипнотизируемому липовый лист вызывал ожог подобно куску раскалённого железа, если сам человек принимал этот лист за таковой; так же и сто лет назад французские материалисты объявляли выдумкой то, что метеоритные камни могут падать на Землю из мирового пространства.

После этого доктор Штайнер ещё раз энергично выступил против смешения теософии и спиритизма. Если господин Зенгер встречал таких теософов, которые дают повод к подобному смешению, то пусть он остаётся с этим, сам же доктор Штайнер решительно отвергает подобное. Он считает аморальным с точки зрения философского духа, если через сообщения так называемых спиритов хотят получить разъяснения относительно судьбы и человеческой природы, это было бы грубым материализмом. Он также не придаёт особого значения названию теософии. Для него важна прежде всего высокая этика теософии в подразумеваемом им смысле, которая должна приводить к важнейшим последствиям, например, в педагогике. Какая перспектива возникает перед душой воспитателя, если он осознаёт, что должен привести к развитию в ребёнке зародыш божественности!*

*Наш сегодняшний обозреватель, второй председатель Союза Джордано Бруно господин Отто Леман-Руссбюлдт, ощущает потребность добавить к своему докладу, что наряду со многими значимыми явлениями в духовной жизни он рассматривает эту лекцию как зародышевую клетку новой благородной культуры. «Времена великих изменений не наступают на нас как мистическое нечто; если мы их создаём, то тогда они приходят. Я готов приветствовать „теософское“ движение, выступающее с такой программой, как её формулирует доктор Штайнер. Будем надеяться, что нарождающиеся, омолаживающие жизненные силы смогут прежде всего создать более живые, поэтически зажигательные слова; что нам все эти „-измы“! Во всяком случае золотые зёрна пшеницы подлинной теософии были, к сожалению, засыпаны таким количеством шелухи пустословия индуистской лексики, что должен быть очень желанным тот философский герой, который сможет собрать эти зёрна в новом амбаре, что означает — под новым именем».